АННА & СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

МИЛЛИОН НА ТРИ НЕ ДЕЛИТСЯ

Анна и Сергей Литвиновы пишут легко, живо, остро...
Если принялся читать на ночь глядя — прощай сон.
Оттого Литвиновы и в лидерах жанра.

«Книжное обозрение»

Анна и Сергей Литвиновы
Миллион на три не делится (сборник)

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152858

Аннотация

Череда захватывающих преступлений, динамичные погони и опасные ситуации, страстная любовь и леденящие душу страхи – все это есть в произведениях Анны и Сергея Литвиновых. Необычные герои, интригующие повороты сюжета делают рассказы Литвиновых настоящей находкой для истинных ценителей криминальной беллетристики.

Содержание

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА 4
ШТОРМ И ШТИЛЬ 29
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Анна Литвинова, Сергей Литвинов
Миллион на три не делится

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

Тихий, прозрачный вечер примирял Настю с жизнью.

Галдели бестолковые грачи, облачка в низком небе играли в салки, и воздух был такой пушистый и сладкий, хоть продавай его вразвес, словно торт в хорошей кофейне…

Настя валялась на свежескошенной траве и чувствовала себя частью неспешной деревенской жизни. О городе напоминал только сотовый телефон – его она таскала с собой даже в деревне: сильна была дурацкая привычка. «Ты б еще компьютер в поле брала», – смеялась над ней тетя Нина. «А что, вот отдохну немного – и буду брать!» – грозилась Настя. Но пока ее ноутбук лежал в избе, в древнем советском сейфе, рядом с дядь-Петиными охотничьими ружьями.

Ни думать, ни читать, ни звонить в Москву не хотелось. Только вдыхать пахнущий сеном воздух, и лениво следить за шустрыми облачками, и наблюдать, как жирный грач вытягивает из земли очередного червя…

Насте нравилось валяться на сене за околицей. Ни людей,

ни машин, ни даже тракторов – только поле, и лес, и заросшее березами кладбище.

«По кладбищу одна не ходи», – пугал ее дядя Петя. Настя согласно кивала и с интересом бродила между могилок, рассматривала портреты: старушки в платочках и деды с лихо закрученными усами. «Им тут спокойно, – думала Настя. – Не то что в Москве, где кладбища близ дорог или аэродромов».

Столичная суета отсюда, из села Колокольного, представлялась безумным и выматывающим хаосом. Вот сейчас – девять вечера. В это время Настя обычно уходит с работы и прикидывает, пока едет домой, планы на завтра. А потом, пробившись через час пик, быстро ужинает и сидит за компьютером – до ломоты в глазах и смятения мыслей, так что потом ворочаешься с боку на бок чуть не до рассвета, когда уже снова нужно вставать и нестись в офис…

А в Колокольном время шло тягуче, лениво, перетекало из утра в день, изо дня – в вечер, а потом в ночь… Время казалось чем-то малозначимым, несущественным, а вечными были только поле, и воздух, и ленивый шепот деревьев.

Настя сладко потянулась. Вот и еще один день прошел, пора домой – ужинать молодой картошечкой и малосольными огурчиками, пить смешную, с запахом мяты, самогонку и кормить сеном лошадь Минутку (единственная ее здесь обязанность).

Уже наступили сумерки. Лес подернулся серой дымкой,

избы уютно засветились окошками. Кладбище, днем такое милое, теперь утопает во мраке – только памятники белеют. При свете дня погост приветливый, а сейчас, вечером… Сейчас – проскочить бы побыстрее мимо… Мало ли что… Тем более что нервы расшатаны.

Настя, стараясь смотреть в сторону, спешно шла мимо кладбища. Но все ж не удержалась, глянула.

И снова увидела ее. Фигуру в белом. Кажется, женщина. Горестно склоненная голова. Лица не видно. Кажется, и нет его, лица. Только руки с тонкими костлявыми пальцами молитвенно протянуты к ней, к Насте…

***

«У вас явная депрессия, – приговорил ее доктор. – Разве можно, голубушка, так себя нагружать?»

Сама к доктору Настя не пошла бы ни за что. Заплатить сто долларов за психоаналитика ее уговорил Олежек. А Настя бы и дальше примирялась с тем, что голова раскалывается все чаще, и настроение хуже некуда, и ночами ей не спится, все слышится, что по пустой квартире кто-то бродит. Но Олег властно сказал: «Здоровье у тебя, Настя, одно, его беречь надо. Смотри, время сейчас упустишь, а потом и до глюков дойдет, загремишь прямиком в психушку».

Настя не сказала Олежеку, что галлюцинации у нее уже были, но к врачу пойти согласилась.

Отчего расшатались нервы – долго гадать не пришлось. Слишком много она на себя взвалила. Вполне могла бы выбрать и поклонника попроще, и на работе – сидела б тихим менеджером до самой пенсии. Но нет: так стремилась к успеху, что сама себя загнала.

Настя работала в агентстве недвижимости. Начинала простым клерком, на рожон не лезла, присматривалась, анализировала, тихонечко проводила малозначительные сделки… Но невозможно было не замечать, что творится вокруг. Вроде агентство и сильное, и богатое, и опытное, а сколько сделок срывается! Настя не уставала поражаться хаосу, царившему в среде риелторов. Вроде база данных по жилью практически безразмерна, умещается лишь в самый многопамятный компьютер, и менеджеры опытные, с сертификатами, – а клиенты часто уходят ни с чем. И почему уходят – по одной лишь глупости да по безалаберности! Просит, скажем, заказчик «двушку» среднего класса, а его начинают водить то по убогим «хрущобам», то по пижонским новостройкам. Или заказывает клиент квартиру на Косинской улице, а его по ошибке везут на другой конец города, на Касимовскую!

«Наша проблема – от нашего богатства, – решила Настя. – Слишком большой выбор. В одной базе данных теснятся и апартаменты в сталинских высотках, и жалкие «гостиничные» с трехметровой кухней. Менеджеры не могут найти нужный вариант из многих тысяч предложений. А проблема-то – решаема!»

Именно она и предложила очевидное: систематизацию. В одну директорию поместить «сталинки», в другую – «хрущевки», в третью – «брежневки» и так далее… И не просто предложила, а написала соответствующую программу – даром, что ли, в МИФИ училась!

Ее инициатива пришлась начальству по вкусу. В поощрение Настю возвысили до ответственных сделок, а потом и до руководства отделом «брежневок».

«Брежневки» – жилье в девяти– и двенадцатиэтажных панельных домах – покупали небогатые, въедливые, занудливые клиенты. Насте доставалось за все – будто это она строила крошечные кухни, бестолково планировала комнаты «распашонкой» и потолки высотой два шестьдесят, от которых развивается клаустрофобия. Приходилось оправдываться и за комаров, что зимой и летом гнездятся в подвалах, и за вид из окон: вечно на автотрассы, железные дороги, заводы. Однако клиенты хоть и ворчали, но шли к Насте сплошным потоком: «Рекомендовали нам именно вас, девушка, очень рекомендовали. Говорят, вы чудеса творите».

Двадцать – двадцать пять сделок в месяц приносили Насте уверенность в своих силах и живые деньги американскими зелеными купюрами. С каждой проданной «брежневки» капал ей реальный немалый процент.

Настя отказалась от извечных сосисок и перешла на парное мясо и круглогодичные фрукты. Не уставала поражаться искусству дорогих модельеров, с удовольствием покупая

одежки и мягкую, удобную обувь. Не экономя, отремонтировала квартиру, обставив ее дорогой уютной мебелью. С радостью выехала пару раз в Европу. И наконец-то отправила в отставку неудачника Макса.

Макс прилепился к ней еще на первом курсе: кареглазый, вечно тоскливый, с нервными пальцами. В общем, вылитый Грушницкий. Один в нем плюс и был – Настю он любил всякую: и нестриженую, и в джинсах, и в дурном настроении.

Вместо Макса появился Олежек – обаятельный, иронический, успешный парень, работавший системным администратором в американской фирме.

Олежек, не чета Максу, всегда держал Настю в колком, волнующем тонусе. Рядом с ним нельзя было позволить себе чуть заметное пятнышко на кофте, подрастрепавшуюся прическу, дурное настроение… Олег предпочитал идеальных девушек – и Настя изо всех сил стремилась соответствовать идеалу. Тяжело, конечно, после работы пыхтеть в тренажерном зале, и задыхаться под маской из грязи Мертвого моря, и до рези в глазах листать модные журналы… Зато под цепким взглядом Олега Настя выбросила три пары нелепых, не по фигуре, джинсов, безжалостно отказалась от удобнейших мокасин без каблуков – в пользу острых шпилек… И оборотилась в наистильнейшую во всем риелторском сообществе девушку.

Даже генеральный директор – и тот заметил ее преображение, позвал на ленч в «Циркус», пообещал: «Готовься,

Анастасия, я тебя скоро со «вторички» на элитную недвижимость переброшу. Слишком ты хороша для спальных районов, не там тебе место, а в Барвихах – Николиных Горах. Особняками у меня торговать будешь».

А особняки ценой под миллион (или за миллион) и маклеру процент дают ого-го, не то что «брежневки». Вот Настя вечерами и взялась изучать рынок дорогих коттеджей – готовилась.

И доготовилась.

Нервы расшатались незаметно.

Сначала ее перестала радовать работа. Настя до крови сжимала губы, чтоб не облаять норовистых покупателей, с ненавистью смотрела на заливающийся телефон, и даже приятнейший профессиональный момент – клиентское чистосердечное «спасибо» – вызывал лишь зевоту и скуку.

Потом Настю начали раздражать любимые некогда магазины с белозубыми продавщицами. Она честно шла за новым костюмом, смотрела, мерила – и ничего не покупала. Привыкшие к ее золотой кредитке продавщицы посматривали со снисходительным сочувствием – что, мол, богачка-скороспелка, разорилась?

Настя чуть не в слезах выбегала из магазина, шла поднять тонус в кофейню – и понимала, что даже не чувствует нежнейшего вкуса «Черного леса» и капуччино… И все трудней становилось держать вечную улыбку и широко распахнутые глаза, когда она встречалась с Олегом.

Олег первым почувствовал: с подругой что-то происходит. Он перестал традиционно над ней посмеиваться. Тревожно смотрел в Настины грустные глаза. И посоветовал обратиться к доктору:

– Настена, тебе не идет быть хмурой. Ты устала, перетрудилась. Сходи к врачу, он тебе витаминчиков выпишет – пропьешь курс и станешь как новенькая!

Но доктор сказал сурово:

– Вам, Анастасия Евгеньевна, не витамины пить надо, а невроз лечить. Но в клинику лечь вы же не согласитесь?

Она замотала головой:

– Ни за что.

– Тогда немедленно – немедленно, слышите! – уезжайте. Полный покой: спать, есть и гулять. Организм у вас молодой, безо всяких таблеток справится. Только на жару, на море вам не надо. Лучше в Швейцарию или в Германию. Что называется, к водам. В Висбадене вот есть замечательный санаторий…

Доктор своим диагнозом Настю не потряс. Она и сама понимала: с ней что-то происходит. Что-то непонятное, страшноватое… Хорошо, она о фигуре в белом, о человеке без лица врачу не рассказала – тот бы ей живо не в Висбаден, а в Кащенко путевку выписал! А теперь, ура, объяснение ее хандре появилось: виноваты проклятые нервы. Что ж, велят ехать на воды – поедем на воды. Пусть организм, как велел ему доктор, справляется сам. В отпуске она уже два года не

была, имеет полное право.

Настя подошла к ближайшему банкомату, сунула кредитку, запросила выписку со счета… М-да, негусто – жалкая тысчонка. Как она могла забыть! Точно: у нее что-то с памятью. Может, болезнь Альцгеймера?

Как раз на днях ей вышла возможность перевести сбережения в швейцарский банк. Грех отказываться от счета в «Банке Люцерна», его не каждому открывают, а только по рекомендации. Настя и решила, раз рекомендацию дают – в России сбережения не оставлять, денег она еще заработает, а баксики пусть лежат на черный день или на пенсию.

Значит, с Висбаденами не получится – не кредит же брать. Впрочем, не очень-то и хотелось – что за радость сидеть в санатории, пусть зарубежном, в компании подагрических старичков. К тому же Настя, признаться, никогда толком за кордоном не отдыхала. Все время напрягалась, когда говорила на чужом языке – наследие советской школы, где иностранному учили до полного отвращения.

И тут Настя вспомнила про свой, доморощенный, санаторий. Село Колокольное, Саратовская губерния, родная тетка Нина, ее муж дядя Петя, хозяйство, речка, бесконечные леса, тишина… И верный, со времен школьных каникул, поклонник Андрюха. Рассказывали, он сейчас стал трактористом – наверное, много пьет, жена его поколачивает и рожает ему детей, интересно будет на него посмотреть…

Так Настя и оказалась в Колокольном.

Встретили ее шумно и радостно. Один дядя Петя, приехавший к поезду на телеге, чего стоил! А дорога со станции в Колокольное – чемоданы от «Вьютона» ерзали в сене, как поросята, когда кобыла Минутка переходила на галоп.

К Настиному приезду закололи молодую свинью, и на пороге дома ее встречали три ужасающе жирных кота – негодяи так облопались требухи, что на лапах не стояли, валились на бок. Спотыкаясь о нахальных животных, выскочила тетя Нина, обняла Настю, запричитала: «Как былиночка стала, одни косточки… Бледненька-ая!.. А что это за брючки у тебя такие, все в лохмотьях!..» (Это о новой модели от Лакруа.)

Настя ела фантастически вкусные свиные ребрышки, и тщетно просила заменить самогонку хотя бы на московскую водку, и сердилась на дядю с тетей за то, что они уступили ей лучшую комнату в доме, где стояла кровать с метровой периной и кучей подушек.

Наутро от ядреной самогонки у нее болела голова, и она отправилась вылеживать похмелье на сеновал. Дядя Петя, озабоченный здоровьем племянницы, трогательно принес литровую чашку с крепким кофе, и Настя благодарно подумала: «Ну какой Висбаден сравнится с моим Колокольным?»

…Время для Насти потекло легко и бездумно. К хозяйству тетя Нина ее не подпускала – «маникюры свои попортишь». Только и разрешала задать сена Настиной любимице кобыле Минутке. «Давай, теть-Нин, я хоть корову тебе подою!» – «Корову?! Да не надо. Она тебя хвостом исхлещет».

Настя возилась с дядькиными охотничьими собаками, расчесывала их, баловала привезенным из Москвы «Педигри». Играла с маленькими племянницами – катала вместе с ними на игрушечном грузовике теть-Нининых кроликов. Много гуляла. Встретилась с друзьями детства. Андрей, ее школьный воздыхатель, вырос в белокурого красавца, лихого тракториста, – форсил, гонял по полям с такой скоростью, что Настя чуть из кабины не вылетала.

Кундера с Мураками так и остались лежать в чемоданах – Настя набросилась на теть-Нинино чтиво, любовные романы, и дядь-Петины пособия по охоте. А вечерами она с дядькой выходила в овраг и лупила из мелкашки по консервным банкам, к восторгу детворы и собак. Ей снова полюбились драные джинсы и небрежный «хвост» вместо стильной прически. А банька на задах огорода расслабляла так, что куда там джакузи! «Видел бы меня сейчас чистюля Олежек!» – ухмылялась Настя, возвращаясь с огорода, вся перепачканная перезрелой клубникой.

Только одна беда: белый человек не исчезал.

Первый раз Настя увидела человека без лица еще в Москве, ночью, в окне своей квартиры. Жуткое лицо, без глаз, без носа, вглядывалось в нее из ночной темноты… Настя дико закричала – лицо отпрянуло прочь…

В тот вечер ночевать она пошла к соседке…

Больше чужое лицо в окне не появлялось, – но все равно с тех пор ей в собственной квартире было тревожно. Вечерами

так просто жутко.

Правда, доктор сказал, что у нее расшатались нервы… А раз нервы раздрызганы – вот и чудится всякая муть. Но здесь-то, в Колокольном, с нервами у нее полный порядок! И голова не болит, и ничто не раздражает, не бесит – наоборот, все время классное настроение!

И вот снова – белая фигура на деревенском кладбище.

Настя никому тогда не сказала, почему вернулась с вечерней прогулки дрожащая, бледная. Коротко ответила на тетьНинины вопросы: «Замерзла». Мужественно тяпнула самогонки, уснула и с тех пор больше одна в поля не ходила. Болталась во дворе, паслась в огороде, играла с племянницами.

…Телефон зазвонил, когда они с девчушками принялись за постройку домика из сена (дядя Петя ворчал, что почем зря растаскивают Минуткин корм).

Малышки с восторгом подпели электронной мелодии и принялись напряженно вслушиваться в разговор.

– Анастасия Евгеньевна! Это Дми…

– Дмитрий Васильевич, любимый банкир, как не узнать!

– Вы сегодня веселая…

– Да я ж в отпуске! На водах, в Висбадене.

– Ах как жаль!

– Почему же? Говорите свободно, у меня безлимитный тариф.

– Не хотел я вас расстраивать… Но сообщить обязан. Анастасия Евгеньевна, у нас в банке произошла небольшая про-

блема…

– Какая?

– Попытка компьютерного взлома. К счастью, служба безопасности вовремя среагировала, и хакера мы заблокировали.

– Так какая же это проблема? Поздравляю, оперативно работаете!

– Хакер успел ввести запрос на перевод денег. Первым он запрашивал именно ваш счет. И еще – он точно угадал сумму. Ту, которая лежала на вашем счету еще недавно. Что вы уже перевели от нас – в «Банк Люцерна». Собственно, именно это нас и спасло: система предупреждения немедленно высветила сигнал, что со счета в автоматическом режиме запрашивается та сумма, которой на нем нет.

– Та-ак…

– Вам, наверное, стоит вспомнить, кто столь точно был осведомлен о вашем финансовом положении.

– Я поняла, Дмитрий Васильевич. Спасибо, что позвонили.

Настя рассеянно нажала на кнопку отбоя. Да, дела… А осведомлены-то о ее финансовом положении оказались многие…

Какой только бес ее тогда под локоть толкнул!

Настя со стыдом и досадой вспомнила недавнюю встречу выпускников: пять лет со дня окончания инженерно-физического. Бывшие однокурсники тогда слегка перебрали,

и Настина давняя врагиня, отличница Жанка, начала хвастать мужем-миллионером. Удержаться у Насти не получилось, пришлось зазнайку припечатать:

– Чем миллион, который надо отрабатывать, – лучше сто тысяч самой заработать!

И гордо вытащила из сумочки выписку со своего счета (как раз в тот день взяла). Эффектным жестом бросила на стол. Бумага пошла по рукам… Сколько ж народу ту выписку, столь опрометчиво продемонстрированную, видело? Да уж немало! Колян, Димон, и та же умытая Настей Жанка, и начкурса, и отставленный Настин поклонник Макс… И тот же Олежка… И кстати! Даже в ее агентстве кто-то мог бы, если захотел, эту злосчастную выписку изучить. Настя долго таскала ее (зачем, спрашивается?!) с собой в сумке – а сумочку беззаботно оставляла на рабочем столе…

«А кто из знающих мог по-хакерски попытаться меня ограбить?» – спросила себя Настя. И сама себе ответила: «Да каждый второй и мог!» Образование им всем позволяет… Все-таки МИФИ – это школа. Настя сама (пару лет назад, в пору полного безденежья) «троянские» вирусы благополучным разиням засылала, подворовывала с «виповских» счетов интернетное время. Это не банк, конечно, ограбить, но… Да у них весь курс хакерством баловался!

Словом, ищи теперь ветра в поле. Но боже, какое счастье, что денег на ее счету не оказалось! Ведь тогда б система предупреждения, о которой говорил Дмитрий Васильевич, не

сработала, и весь ее капитал ушел бы неизвестно куда.

Настя устало потерла виски. Здесь, в Колокольном, она уж и забыла, как это неприятно, когда болит голова…

– Тетенька Настенька, ну иди же скорей, – защебетали обиженные племянницы. – Позвала нас домик строить, а сама… То по телефону болтаешь, то думу думаешь!

– Иду, девочки, – рассеянно улыбнулась Настя.

И тут телефон зазвонил снова. Девчушки дружно скорчили рожицы. Настя глянула на определитель номера. Батюшки, сам генеральный! Неужели собирается из отпуска отзывать?

– Да, Арсен Юрьевич, – деловито откликнулась она.

– Анастасия Евгеньевна? У меня для вас новости. Не самые лучшие новости.

– И у вас тоже? – не удержавшись, ляпнула она.

Повисла двухсекундная пауза. Генеральный молчал. Наконец сбавил тон на менее официальный и продолжил:

– Настя, у нас чрезвычайное происшествие. Несем прямые убытки, а в прессе уже пошел про нас черный пиар.

– Что? Что случилось? – тревожно спросила Настя.

– Нашу базу данных разослали по Интернету во все риелторские агентства. В графе «предмет сообщения» написали: «эксклюзивный подарок»…

– Кто… Кто это сделал? – с трудом выдавила Настя.

База данных на десятки тысяч квартир, принадлежавшая их агентству, охранялась почище сверхсекретного объекта.

Настин принцип сортировки квартир плюс ежедневно обновлявшиеся данные стоили баснословные деньги. Ходили слухи, что генеральному вроде предлагали за базу двести штук «зеленых», но тот, естественно, отказался.

Арсен Юрьевич выдержал едкую паузу. И выдохнул:

– Похоже, сделала это ты.

– Я?!

– Извини, но обратный адрес во всех письмах указан твой, Настя. И рассылали базу с твоего рабочего компьютера…

– Но меня и на работе-то нет! – отчаянно вскрикнула Настя.

Генеральный, явно подготовившийся к разговору, парировал:

– А я думаю, твой ноутбук легко стыкуется с твоим компьютером в офисе – был бы телефон. Лэп-топ, насколько я знаю, ты взяла с собой. Как, впрочем, и сотовый.

– Но зачем, Арсен Юрьевич? Объясните: зачем мне это делать?! – Настя изо всех сил старалась, чтобы голос ее не дрожал.

– А это уж у тебя надо спрашивать, – холодно произнес он.

В трубке завыли короткие гудки. Настя в ярости отшвырнула телефон. Племянницы углядели по ее лицу, что надвигается буря, и поспешно ретировались.

– Дядь Петь! Дядь Петь! – заорала Настя. – Где ключ от сейфа?

– Что, Настенька, что? – всполохнулась на ее крик тетка.

А дядя Петя успокаивающе похлопал ее по плечу и молча протянул ключ. Настя дрожащей рукой отперла замок… Вот он, ее ноутбук, лежит на полке, крышка подернулась дымкой пыли.

– Мы его не трогали… – растерянно и виновато проговорила тетя Нина.

Настя дрожащей рукой включила компьютер. Нетерпеливо дождалась окончания загрузки. Открыла опцию «статистика включений»… Все верно: последний раз лэп-топ включали еще в Москве, две недели назад.

– Но как же так? – растерянно пробормотала она.

– Настя, что случилось? – потребовала тетка. – Что-то по работе?

Настя, закусив губу, кивнула.

– Тебя подставили? – прозорливо спросила тетя.

И снова Настя кивнула.

– Жизнь ваша московская такая, – утешающе сказала тетка. – Но ничего – ты сильная. Ты разберешься.

А дядя Петя ласково похлопал ее по плечу и, не мучая вопросами, посоветовал:

– Сначала выясни, кто. А когда выяснишь, – он широким жестом махнул на открытый сейф с ружьями, – мы его пристрелим.

***

«Дядька прав. Это – враг», – думала Настя, сосредоточенно шагая через поле. Она еле отбилась от теткиных хлопот. Отказалась от валерьянки, постельки и самогонки. Какая постелька, если весь ее мир рушится! «Оставь ее. Пусть погуляет. Подумает», – приказал жене дядя Петя. И вот Настя, снова бредя по любимому полю за околицей, впервые за время отпуска не баловала мозги деревенской безмятежностью, а сосредоточенно думала.

«Враг. Бьет по всем фронтам. Лишает и работы, и денег. Значит, непримиримый. И, собака, как тонко ударил! Явно готовился, всю жизнь мою изучил! И сумму на счету знал, и в офисный компьютер проник! Значит, надо подумать, кто из моих знакомых мог знать – одновременно! – и о моих деньгах, и о том, как войти в мой рабочий компьютер».

Настя вытащила блокнот и ручку. Написала: «сумма на счете». Немного напрягла память и составила список однокурсников, ставших свидетелями ее опрометчивого бахвальства. Список вышел изрядный – семеро. «Но такие новости – «однокурсница разбогатела!» – разлетаются со скоростью света! – сверкнула запоздалая мысль. – И о моем счете в банке, и о примерной сумме на нем знает уже полпотока плюс однокурсничьи родственники и друзья!»

Настя в отчаянии смяла список, швырнула на траву. Бог

с ней, с экологией, когда вся ее жизнь в мусор летит!

«Ладно, пойдем другим путем. Кто мог проникнуть в мой офисный компьютер?»

А тут и думать нечего – весь отдел мог. В ее комнате сидело четверо, все, разумеется, имели допуск к агентской базе данных. Понятия «свой компьютер» в отделе, строго говоря, даже не существовало. Работали на той машине, что ближе. А за Настин, самый мощный в отделе комп вообще вечная война была. И пароль ее, словечко guerilla, вовсе не был вселенским секретом.

«Что ж я шефу-то этого не сказала!» – мелькнула запоздалая мысль. Рука потянулась к телефону, но Настя себя одернула. Рано звонить. И глупо.

«Ну и что мы имеем? Первое множество – со встречи выпускников – никак не пересекается с множеством вторым, с моими коллегами. Или… Или пересекается? Может, какой-то мой бывший однокурсник связан с кем-то из моих коллег? И они совместно решили меня закопать?

Но зачем? По какой причине? Неужели просто так? За удачную карьеру, чтоб не задавалась?»

Нет, что-то не складывается. Не может она поверить, что кто-то решил уничтожить ее просто так. Практически ни за что.

И тут в голове вспыхнуло: Олежек!

Только он знал о ней все. Знал о сумме на счете. (О переводе денег в Швейцарию Настя не сказала даже ему.) И па-

роль для ее компьютера – английское словцо guerilla – она тоже ему выдала: просто к слову пришлось. Олег еще хмыкнул: «Тоже мне, Настена-партизанка!» И… и… Это он посоветовал ей обратиться к врачу! И дал телефон доктора – сказал, что это лучший психоаналитик Москвы! А врач запугал ее тем, что нужно немедленно ехать в отпуск!

Да Олег просто расчищал себе пространство для маневра, выдавливал ее из Москвы! А она, дура, и правда поверила, что ей нервы нужно лечить!

Но зачем же он это делает?

Настя горько усмехнулась – теперь, когда она потеряла работу, причины не имели никакого значения.

Вокруг нее по-прежнему безмятежно зеленели поля и шептали о чем-то возвышенном деревья, но глупая деревенская красота больше не радовала. «Все. Больше никаких «санаториев», – решила Настя. – Нужно срочно убираться отсюда. И спасать то, что еще можно спасти».

Она поднялась, в последний раз окинула взглядом лесок, уходящее в перспективу небо, задумчивое, сонное кладбище… На Колокольное снова наплывали сумерки.

А на одной из могил снова маячила, мерцала в вечерней дымке изломанная, страшная, белая фигура без лица…

Настин крик всполохнул безмятежных грачей, птицы взвились с деревьев, галдя и роняя перья.

***

– Дядя Петя, завтра я уезжаю, – сообщила Настя, едва вошла в дом.

– И думать, Настена, не смей, ты и в себя прийти не успела! – возмутилась тетя Нина.

А дядя Петя деловито спросил:

– Ну что, решила, кого пристрелить?

– Решила, – улыбнулась Настя.

– Если докажешь, что действовала в состоянии аффекта, больше трех лет не дадут, – со знанием дела прокомментировал он.

– Немедленно замолчи, Петр! – прикрикнула на него жена. И побежала суетиться, собирать Насте бесчисленные соленья-варенья-компоты.

– Дядь Петь, пошли на крыльцо, перекурим, – позвала Настя. – У меня к тебе дело. Секретное.

***

Село Колокольное уснуло. Басисто храпел дядя Петя, ему нежно подсвистывала тетка. Что-то бормотали во сне племяшки – Настя на цыпочках прошла в их комнату, укрыла девчушек поплотнее. Одни коты вальяжно шастали по дому,

подстерегая рассеянных мышей.

Не спала и Настя. Сидела у окна, не закрыв ставен и призывно распахнув форточку. Чтоб ее не было видно с улицы, спряталась за ширмой. На коленях лежало охотничье ружье. Она напряженно вслушивалась в темноту. Когда казалось, что по двору шелестят шаги, принималась сладко посапывать, будто спит… И изо всех сил старалась не заснуть по-настоящему. Но… Миновала полночь, полпервого, час – никого. И глаза слипались отчаянно…

Кажется, она задремала – потому что очнулась от противного скрипа стекла. Она вскинула к окну сонные, испуганные глаза – и снова увидала его. Белый человек. Человек без лица. Мертвая маска без глаз, безо рта, без носа!.. И по стеклу отстукивает тревожный ритм костлявая, с длинными ногтями, рука.

«Ну, здравствуй, зайчик!» – прошептала Настя. Вскинула ружье. Прицелилась пониже подбородка. И жахнула в окно дуплетом.

***

Крик был жалким, совсем не мужским. Будто бы голосила глупая баба.

– Убили! Помогите!

Настя и дядя Петя выскочили во двор. Дядька сдернул с плеч ночного гостя, корчившегося на земле, белый балахон.

С лица его сорвал серый дамский чулок.

– Макс? – в ужасе прошептала Настя.

В глазах ее отставленного поклонника застыли жалкие слезы.

– Ты убила меня, сука! – причитал он, хватаясь руками за грудь.

– Никто тебя не убивал, – презрительно буркнул дядька. – Ружье заряжено солью!

А Настя, оправившись от шока, склонилась к Максу:

– Так это ты?! То самое привидение?! И в Москве, и здесь, на кладбище?

Она в ярости схватила его за плечи:

– Чуть до инфаркта не довел, сволочь! А ну говори! Зачем? Какого ляда ты это затеял?

– Помоги мне, Настя, – жалобно заныл Макс, – у меня вся грудь горит!

– Перебьешься. Сначала скажи: зачем?

Макс на мгновение перестал скулить и прошипел:

– Затем! Затем, что меня никто не смеет бросать, ясно? А ты, фря, решила, что теперь кру-та-а-я! Что я тебе больше не нужен!

– И что? Ты думал, если я без денег, без работы и с расшатанными нервами – я к тебе вернусь?

– Ну разумеется! А кому ты еще будешь нужна, – презрительно проговорил он.

– Ты так думаешь? – усмехнулась Настя. – Ладно, проеха-

ли. Еще вопросец. Как ты в мой офисный компьютер пролез?

– Делов-то! – фыркнул Макс. – Взломать банк было куда сложнее. Но ты, сука, денежки куда-то перепрятала…

– В Швейцарию, Максик, в Люцерн. А тамошний банк тебе не взломать – кишочка тонка…

– Врача, Настена… Помоги…

– Мы еще не закончили. Долго ты тут, в деревне, ошивался? Где жил? Кто тебе помогал?

– Да никто мне не помогал! В лесу я жил, за кладбищем, в палатке! Тушенку жрал!

– Во дурак-то… – печально вздохнула Настя.

– Сама ты дура! И сучка! – злобно прокричал, почти не владея собой, Макс.

– Но, но! – взял парня за плечо дядя Петя. – Иди давай в дом, Настена!.. А с этим крокодилом я сам разберусь.

– Хорошо, дядь Петь… – пролепетала Настя.

Теперь, когда напряжение последних дней спало, она почувствовала, что силы на нуле и ее всю колотит – то ли от усталости, то ли от пережитого страха.

Она прижалась к дядькиной груди и прошептала:

– За что мне это? За что?

– За то, что ты сильная, Настька, – усмехнулся охотник.

– И… И что же мне теперь делать?

– Да ничего. Иди отдыхай. А с чудиком твоим мы сейчас побеседуем. Он мне бумагу подпишет, какую я ему скажу. Про все свои художества… Покажешь ее в Москве своему

шефу. И будешь работать себе дальше.

– А я… а я думала, что у меня… галлюцинации, – вздохнула Настя, с отвращением глядя на унылую фигуру Макса, на валяющийся у его ног белый балахон…

Презрительно пнула босой ногой серый чулок и с усмешкой добавила:

– Тоже мне – человек без лица!

ШТОРМ И ШТИЛЬ

За окном басисто поют теплоходы и шелестят волны. Бухта закована в гранит набережной. Море – соль пополам с соляркой. Море – оно совсем рядом, оно родное – и в штиль, и в шторм.

А дома пахнет свежим хлебом, и вялеными ставридками, и немного нафталином.

Дед, по старой морской привычке, вставал с рассветом – «посмотреть, какой дует ветер». Он кипятил полный чайник воды, подметал в коридоре и ходил в булочную. Потом просыпалась Таня. Прямо в пижамке выбиралась на кухню – к теплым булкам и горячему чаю. Слушала уютный перестук ходиков и привычное ворчание деда: «Опять вчера в полночь явилась… Не выспалась. Зеленушка…»

Зеленушками назывались рыбешки, что водились в бухте рядом со стоком канализации. Их не ели даже кошки.

Таня отставляла свой чай и бросалась к зеркалу: неужели она и вправду зеленая? Убеждалась, что привычный «морской» румянец на месте, гневно взглядывала на деда, а тот снисходительно хмыкал, спрашивал:

– Все мужа ищешь… юнга?

Дед назвал внучку юнгой, когда она только родилась. Сейчас Таня выросла, но он упорно не хотел повышать ее в морском звании. Говорил, что даже до матроса не доросла.

– На работе задержали, – неуверенно отвечала деду Таня.

– Свисти-свисти, – фыркал дед. – А то мне с балкона не видно, чем вы там на лавочке занимаетесь…

На лавочке во дворе ничего особенного не происходило. Ну, обнимались, целовались, конечно.

Бабушка Таню за кавалеров не ругала. А вот дед сердился, цитировал Лермонтова: «И жить торопится, и чувствовать спешит…»

Бабушка выходила к завтраку позже всех. Зато всегда в свежем халатике, причесанная, губы чуть тронуты помадой. Тане всякий раз становилось стыдно за свою пижаму и лохматые со сна волосы. Дед улыбался жене, говорил ей: «Доброе утро!» Таня была готова отдать все на свете, чтобы кто-то посмотрел на нее так же влюбленно и так же нежно поздоровался с ней когда-нибудь утром…

…Дед с Таниными кавалерами был строг. Когда они заявлялись к ним домой, демонстративно закрывался в комнате. Или вообще уходил на прогулку. Говорил: «Юнгам кавалеров не положено!» А бабушка с внучкиными ухажерами охотно общалась. Она открывала с неожиданной стороны даже самых безнадежных. Курсант военно-морского училища вдруг признавался бабуле, что любит сентиментального Ремарка, и свободно цитировал «Трех товарищей». А твердокаменный десантник галантно подливал бабушке чай и целовал ее худенькую ручку с изящным маникюром.

– Бабуль, ты колдунья! – восхищалась Таня. – Пиковая

дама!

– Нет, я не пиковая. Я червовая, – возражала бабушка.

Она ласково смотрела на Таню и – сквозь нее. Бабушкин взгляд скользил по фотографиям, которыми были увешаны все стены. Бабушка – молодая: счастливая, с зонтиком, с пуделем… Старые черно-белые снимки из давно прошедшей жизни.

– О чем ты думаешь? – требовала Таня.

Бабушка молчала, не признавалась. Потом говорила со вздохом:

– Этот десантник… он неплохой парень. Но ты не спеши, Танечка.

– Вот вы с дедом заладили! – сердилась внучка. – Все не спеши да не спеши! Что же мне – в старых девах сидеть?

Бабушка обещала:

– Я тебе другого наколдую. Настоящего мужчину. Хорошего.

– Такого, как дед? – ревниво спрашивала Таня.

– Даже лучше! – заверяла бабушка.

А дед притворно сердился:

– Что? Что ты сказала? Лучше меня?

…В Южнороссийске, где они жили, росли пирамидальные тополя и серебрилось на ветру море. У Татьяны все удавалось с работой (она служила переводчицей в пароходстве). А вот с кавалерами дела обстояли неважно. Портовый, вечно спешащий город. Местные молодые люди тоже спешили,

торопили Татьяну. Кто звал ее в постель, кто сразу замуж. А она все ждала чего-то. Чего-то такого, как у бабушки с дедом. Чтобы можно было прожить рядом полжизни и в старости сказать, как говорила бабуля: «Вот вижу в окно: идет с работы мой Саша. И на душе тепло-тепло сразу становится…»

– Откуда у вас такая любовь? – допрашивала Таня бабушку.

Старушка только плечами пожимала, трепала внучку по волосам.

Таня знала наизусть семейную историю о встрече бабушки с дедом.

Саня нашел свою любовь на пирсе.

Пирс выдавался далеко в море, на нем сладко пахло засохшими мидиями и йодными водорослями.

Бабушка, как сейчас Таня, все ждала чего-то… Она любила по вечерам стоять на пирсе и смотреть на бухту. Недоброжелатели хмыкали: «Прямо «Алые паруса»! Прынца высматривает!» А друзья предупреждали, что на пирсе опасно – слишком безлюдно, можно напороться на хулигана.

Саня, загорелый, с обожженными солнцем волосами, проходил мимо на моторке. Увидел одинокий стройный силуэт, белое платье на фоне заката, в руках – смешной кружевной зонтик. Решил рассмотреть поближе, лихо пришвартовался и… Бабушка рассказывала Тане: «Просто голову потерял. Завалил меня своей рыбой. Под окнами дежурил. Всех

поклонников разогнал!»

Впрочем, сам дед говорил об истории их знакомства по-другому:

– Окрутила она меня. Опоила. Стреножила. Не смог от нее драпака дать…

Они поженились. Дед ходил в море – сначала простым матросом, потом выучился и дорос до старшего помощника капитана. Бабушка служила в детской больнице, брала по две ставки – врачей не хватало, да и деньги в семье нелишние. Они постоянно друг друга ждали – то дед в рейсе, то бабушка на дежурстве. Каждая встреча – праздник, он дарил ей цветы, а она клеила ему из фольги рыбок-»самодуров», приманки, на которые хорошо шла глупая ставрида…

Их сын – то есть Танин папа – воспитывал себя сам, болтался во дворе и иногда прогуливал школу. Как полагается нормальному южнороссийскому парню, ходил на моторке, искал сокровища и ржавые пистолеты, оставшиеся с войны. Но удивил всех – особенно соседку, у которой регулярно трусил жерделевое дерево: поступил в МИФИ, получил красный диплом и оказался талантливым программистом.

«Мы были так заняты, что не заметили, как он вырос», – вздыхала бабушка.

Похожая судьба, казалось, ждала и Таню – ее папа с мамой тоже были постоянно заняты своей московской жизнью: диссертации, выпуски, ответственные проекты – не до дочки…

Но тут бабушка с дедом одновременно вышли на пенсию

и чуть не силой изъяли Татьяну у родителей. «Пусть хоть у нее нормальное детство будет! А то ходит ребенок с ключом на шее… Супчик ест из термоса…»

Таня не возражала. В Южнороссийске – лучше, чем в холодной, безликой Москве. Здесь тепло, есть море и подвалы в старых домах, где обязательно найдется какой-нибудь клад! Татьяна ходила с дедом на рыбалку и чинила с ним снасти. Вечерами секретничала с бабушкой и училась у нее печь изумительные пирожки. А родители – они ведь часто приезжают в гости!

Папа с мамой были действительно деловыми людьми, серьезными и занятыми. Но о дочке не забывали. Таня часто получала от них длинные, нежные письма. И подарки.

Последним подарком оказался компьютер.

Ноутбук серебристо-ракетного цвета нарушил патриархальный интерьер квартиры. Он выглядел инопланетным гостем, когда стоял на зеленой скатерти с кисточками, по соседству с вязаными салфетками и плетеными корзинками.

Компьютер – на удивление! – сразу же полюбился деду.

Его сын-программист по этому поводу гордо сказал: «Моя кровь!»

Дед начал с примитивных игрушек типа «Поля чудес» или гонок, потом освоил «стрелялки». Затем принялся изучать Интернет. Глубокой ночью дед, стараясь не шаркать, пробирался в Танину комнату, изымал лэп-топ и переносил его на кухню. Заваривал себе чай и выходил в Сеть. Таня с бабуш-

кой засекали деда на сайтах, мало подходящих его возрасту: то на страничке роллеров, то за просмотром эротических картинок. Бабуля сердилась: седина в бороду… А Таня втайне от бабушки оплачивала внушительные счета, которые выставляли интернет-провайдеры.

Сама Таня использовала компьютер в основном как службу знакомств. Она завела обширную электронную переписку с педантичными немцами и деловыми американцами, получала послания из Италии, Греции и даже из Кот-д'Ивуара. Бабушка часто присаживалась рядом, когда Таня просматривала «электромэйлы». Приглядывалась к фотографиям «женихов», просила внучку переводить с английского письма. Давала советы: чье послание проигнорировать, кому – ответить. И всегда в итоге оказывалась права. Однажды Таня втайне от бабушки вступила в переписку с программистом из Сиэтла, которого бабуля сразу же почему-то назвала «парнем с гнильцой». Таня не чувствовала в далеком корреспонденте никакой гнильцы, пока однажды не получила от него пространного описания вечеринки с групповым сексом. Пришлось признать, что бабуля опять оказалась права, и заблокировать сиэтлский адрес.

…Теперь за вечерним чаем разговор обязательно касался компьютерных тем. Дед делился свежими новостями, почерпнутыми из «паутины». Таня с юмором рассказывала о своих брачных корреспондентах. Бабушка спрашивала, когда наконец кто-нибудь из них приедет в гости. Таня жалова-

лась: «Кандидатов полно. Но все какие-то старикашки. Или халявщики. Пишет мне тут один: готов посетить тебя и Россию, только денег на гостиницу нет. Можно, говорит, я поживу у вас?»

– Откуда он взялся, нахал? – сердился дед.

– Мексиканец. Луис-Альберто, – Таня подмигивала бабушке, любительнице мексиканских сериалов.

Однажды бабуля между делом спросила:

– А с французами ты переписываешься?

Таня пожала плечами:

– Нет. Ален Делон ведь уже старенький. И французского я не знаю…

– Попробуй, – посоветовала бабушка.

Дед нахмурился над своим подстаканником, сердито звякнул ложечкой.

– Чего ты? – удивилась внучка.

Дед не ответил, только плечом сердито дернул. Бабушка ловко перевела разговор на другую тему.

Таня в тот же день нашла французскую службу знакомств.

Французы оказались не такими уж ветреными и вполне образованными. Многие из них были готовы переписываться на английском. А некто Пьер Дюваль прислал письмо, написанное латинскими буквами, но на вполне приличном русском. «Изучаю язык в университете… Читаю на русском… Хотел переписываться, чтобы не забывать живой язык… В обмен могу научить французскому».

– Деловое письмо. Хорошее, – прокомментировала бабушка.

– Да на кой мне французский? Там времена еще сложней, чем в английском! – фыркнула Таня.

Но Пьеру она все-таки написала, рассказала о себе и о своей семье. Сдобрила письмо изрядной порцией русского сленга. Пусть французик помучается…

Пьер тут же ответил. Рассказал, что живет под Парижем, в собственном доме. Учится в университете, на факультете классической филологии. Родители работают в другом городе.

В постскриптуме Пьер просил объяснить, что означает слово «клевый» и имеет ли оно отношение к ловле рыбы.

За ужином Таня показала письмо бабушке с дедом.

– Веселый парень, хороший, – прокомментировала бабуля.

– Лягушатник, – пробурчал под нос дед. И твердо выдержал гневный бабушкин взгляд.

Таня с Пьером стали переписываться. Обменялись фотографиями. Пьер оказался блондином с карими глазами и веснушками.

– Симпатяга, – оценила бабушка.

– Свистун! Мало им Кутузов жару задал, – буркнул дед.

Таня не выдержала:

– Дедуль! Ты же был во Франции. Сам рассказывал – там вино хорошее. И люди не то, что у нас, – веселые, все время

шутят… Разве плохо? Чего ты на Пьера взъелся?

– Да ладно тебе, Танечка! Дед тоже просто шу-тит, – раздельно и строго сказала бабушка.

Заочное знакомство продолжалось. Пьер уже не ограничивался электронными письмами. Дважды в неделю он звонил по телефону и каждый раз очаровательно спрашивал, есть ли у Тани время «немного совершенствовать его русский». Он рассказывал ей про выставку авангардистов в частной галерее на Монмартре, и про Елисейские Поля, где даже в два часа ночи автомобильные пробки, и про маленькое кафе, где за чашечкой кофе он читает Достоевского и Бунина…

Таня радовалась его звонкам и болтала с Пьером до тех пор, пока бабушка не делала ей страшные глаза и не шептала: «Хватит тебе француза разорять!»

Через несколько месяцев после знакомства Пьер прислал ценную бандероль. В ней содержались изящные кофейные чашки, заботливо спрятанные в гнездышки из пенопласта, и приглашение во Францию. В список приглашенных, заверенный двумя печатями, были включены трое: Таня, бабушка и дед.

Отчего-то Таня не стала рассказывать о бандероли за ужином. Они быстро попили чаю, дед хмурился, куксился, жаловался на давление, рано ушел спать. В окно рвался свежий весенний вечер, только что расцвели яблони. Пахло юной зеленью и морем. Таня с бабушкой пошли прогуляться на на-

бережную. Чайки страдали бессонницей, галдели, пикировали, охотились за рассеянными рыбками. Тане отчего-то было тревожно. Сбиваясь и волнуясь, она рассказала бабушке о приглашении. Добавила робко: «Мне бы так хотелось поехать… Только страшно. Я чувствую, что он, Пьер, хороший… Но кто знает…»

Бабушка задумчиво смотрела на весеннее море. Произнесла с улыбкой:

– Молодец Пьер. Заботливый. Приглашение на троих прислал…

Таню осенило:

– Может, все вместе и поедем?

– Дед не захочет, – твердо сказала бабушка. – А вот я – могла бы.

– Ты? И на самолете полетишь?

– И полечу! – отважно отвечала бабуля.

Вопреки Таниным опасениям дед не рассердился из-за того, что они едут во Францию. Только как-то стих, приумолк, перестал шумно распекать Таню за то, что в ее комнате опять «речной бардак». (Дед всегда ратовал за «морской», то есть идеальный, порядок.) Кажется, ему не хотелось отпускать их, и бабушка даже собиралась сдать свой билет и остаться… Но дед решительно сказал:

– Глупости, езжай. Не отпускать же девочку одну!

И Таня с бабушкой улетели в Париж, к симпатичному веснушчатому Пьеру.

…Они сразу узнали его, только увидев в аэропорту. Потому что Пьер, единственный из встречающих, стоял с солидным букетом роз. Он робко клюнул Таню в щечку и с достоинством поцеловал руку бабушке.

– Поехали? Дед очень вас ждет, взялся сам готовить луковый суп…

– Дед?

– Да… Я живу вместе со своим – как это вы говорите? – дедулей…

Пьер раньше не говорил Тане, что живет с дедом. Наверно, к слову не пришлось. Что ж – тем лучше. И у бабушки кавалер будет!

Пьер усадил их в крошечный «Пежо-206» и, не заезжая в Париж, повез в городок со сложным названием Анган-ле-Бен. «Как у вас говорят – дыра. Только три ресторана. Зато тихо и не криминально».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.